

К. КОРСАКАС

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ИЗУЧЕНИЕ БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Период между софийским и предстоящим пражским международными съездами славистов характеризуется возросшей активностью в области исследования балто-славянской проблемы. В течении последнего пятилетия появился целый ряд научных трудов, значительно обогативших новыми материалами и новыми аспектами изучение отдельных вопросов этой обширной и весьма сложной проблемы. За это время было проведено также ряд научно-организационных мероприятий по сплочению коллективных усилий для исследования данной проблемы и укрепления дальнейшего развития научно-культурных взаимосвязей балтийских и славянских народов. Активизации изучения балто-славянской проблемы, кроме традиционного, в последние годы заметно возобновившегося, научного интереса к ней, во многом способствовал Международный комитет славистов, обративший особое внимание на данную проблему. Комитетом была учреждена специальная Комиссия по изучению балто-славянских отношений, а докладам, касающимся отдельных вопросов этой проблемы, предоставлялось широкое место в программе IV-того и V-того Международных съездов славистов.

Всё это в совокупности знаменует начало нового этапа в изучении балто-славянской проблемы.

Если задаться целью хотя бы вкратце осветить важнейшие достижения в этой области на данном этапе, то в первую очередь следует отметить сильно возросшее изучение самих балтийских языков. Как известно, в силу неблагоприятных исторических условий как литовский, так и латышский язык, а также фольклор и письменность этих народов долгое время оставались не достаточно изучеными. Это обстоятельство во многих случаях заметно сковывало более глубокое изучение балто-славянских отношений, а иногда негативно влияло и на правильность решения отдельных вопросов балто-славянской проблемы. Особенно отрицательно сказалось отсутствие фундаментальных, обобщающих трудов по целому ряду основных дисциплин балтийской филологии, а богатые, десятилетиями собираемые лингвистические и

фольклорные материалы латышского и особенно литовского народа продолжали лежать научно необработаны в рукописных архивах и картотеках.

В последнее время произошли решительные сдвиги в создании таких фундаментальных, обобщающих трудов по разным дисциплинам балтийской филологии. Так, что касается литуанистики, то можно отметить такие важные факты, как усиленную подготовку к печати (под главной редакцией И. Круопаса) многотомного толкового „Словаря литовского языка“ (уже издано 7 томов этого Словаря, рассчитанного всего на 15 томов), издание трехтомной научной „Грамматики литовского языка“ (под глав. ред. К. Ульвидаса; первый том издан в 1965 г., второй готовится к печати), завершение пятитомного издания „Литовский фольклор“ и пятитомной академической „Истории литовской литературы“. Кроме того, проводится большая работа по составлению Атласа литовского языка и по изучению литовских диалектов (Ю. Сенкус, В. Гринавяцкис). Издан обобщающий труд З. Зинкявичюса „Литовская диалектология“ (1966), сдана в печать научная хрестоматия по литовским говорам (под редакцией К. Моркунаса и Е. Гринавецкене). Также издано ряд коллективных тематических сборников и научных Трудов по вопросам морфологического и грамматического строя литовского языка, по изучению развития литовского языка в современный период и др. За последние годы значительно усилилось и изучение литовской топонимики, особенно гидронимики (А. Ванагас, Б. Савукинас), морфологии (А. Валяцкене), этимологии (В. Урбутис, А. Сабальяускас), стилистики (И. Пикчилингис), исторической грамматики (И. Казлаускас), истории литовского литературного языка (И. Палёнис, В. Амбразас), фонетики (Е. Микалаускайте, В. Вайткевичюте). По всем этим вопросам уже изданы (напр., монография И. Палёниса о литовском литературном языке XVI—XVII в.в. и др.), написаны или завершаются обобщающие труды, которые в скором будущем поступят в печать. К этому беглому перечню лишь самых новейших и в первую очередь лингвистических работ следует еще прибавить полное издание письменных памятников древне-прусского языка (подготовленное к печати В. Мажюлисом, опубликовавшим также ряд работ по исследованию этого языка).

Аналогичное усиление научно-исследовательской работы в последние годы замечается и в области латвистики. Следует назвать хотя бы такие недавно появившиеся капитальные труды, как двухтомную „Грамматику латышского языка“ (под глав. редакцией Р. Грабиса), шеститомную „Историю латышской литературы“, многочисленные исследования А. Уозола по латышскому фольклору и по истории латышского письменного языка, а также работу обобщающего характера по латышской диалектологии, выполненную

М. Рудзите, исследования по истории латышской лексикографии (Д. Земзаре) и др. В Латвии в настоящее время ведется интенсивная работа по составлению многотомного толкового словаря латышского языка, по изучению латышской топонимики и диалектов (работы Е. Шмите, В. Дамбе), а также по подготовке к изданию научного наследия крупнейшего латышского языковеда Я. Эндзелина, уделявшего, как известно, большое внимание балто-славянской проблеме.

Все здесь упомянутые работы, появившиеся за последние годы, знаменуют переход балтийской филологии на более высокую ступень своего научного развития. Появление фундаментальных, обобщающих трудов в области литуанистики и латвистики, подготовленных силами филологов самих балтийских народов, положительно сказывается и на работу иностранных ученых, как балтологов, так и славистов. В их трудах последнего времени все чаще даются ссылки на новейшие издания советских балтистов и используются материалы, почерпнутые из лингвистических изданий, публикуемых в Литве и Латвии. Как пример тому можно указать на две новейшие работы: на обобщающий труд Х. С. Станга „*Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*“ (1966) и на содержательный учебник А. Зенна „*Handbuch der Litauischen Sprache. I. Grammatik*“ (1966). К этим работам следует присоединить еще такие труды, как „*Gramatyka języka litewskiego*“ Я. Отрембского (2-ой завершающий том этого трехтомного труда появился в 1965 г.) и словарь Э. Френкеля „*Litauisches Etymologisches Wörterbuch*“, 2-ой заключительный том которого вышел в свет уже после смерти автора в 1965 г. Все эти капитальные зарубежные издания, являющиеся необыкновенно ценными пособиями по изучению литовского, латышского и древнепрусского языков, содержат также много ценного и для изучения как балто-славянских языковых отношений, так и для решения многих проблемных вопросов индоевропейстики вообще.

Лишь на основе более углубленного изучения балтийских языков, фольклора и письменности, как и вообще всего прошлого балтийских народов (особенно много нового дали археологические исследования последнего времени), стало возможным двинуть значительно вперед изучение самой балто-славянской проблемы.

За последние годы опубликовано ряд интересных работ, по новому ставящих вопрос о контактах „славянских и балтийских этнолингвистических и культурных комплексов“ на определенной территории, ныне целиком обитаемой славянскими народами. Так, например, недавно стал широко обсуждаться вопрос о роли балтийского субстрата в историческом прошлом русского, украинского и особенно белорусского народов. Этот вопрос,

несколько лет тому назад выдвинут известной работой В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева „Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья“ (1962), нашел дальнейшее свое освещение в обобщающем труде П. Н. Третьякова „Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге“ (1966), а также в полемике, возникшей на страницах журнала „Советская Этнография“¹, между автором названного труда и В. В. Серовым, уже продолжительное время изучающим роль балтийского субстрата в формировании белорусской средневековой народности. Не вдаваясь в более подробное изложение взглядов спорящих, как и не подытоживая еще результатов данной дискуссии, хочется здесь лишь указать на выдвинутое П. Н. Третьяковым положение о широкой ассимиляции древних балтов славянскими племенами. Согласно мнению П. Н. Третьякова „днепровские балты были компонентом древнерусского населения на широких пространствах, выходящих далеко за пределы их древней территории — и на северо-востоке и на востоке, и в какой то мере на юге [...]. Балтийский субстрат явился таким древним этническим и историческим элементом, который не отделил в свое время белорусскую средневековую народность от украинской и русской народностей, а, наоборот, послужил одной из общих, объединяющих их особенностей“ (стр. 115). К постановке и решению этого сложного и весьма спорного вопроса примыкает также работа молодого украинского лингвиста А. П. Непокупного „Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений“ (1964) и его новейшее исследование о балтийских элементах в украинской топонимике. Проблемы балто-славянской языковой общности касается и Г. И. Шевелев в своем недавно изданном труде о предистории славянских народов (*G. Y. Shevelov. A Prehistory of Slavic*, 1964).

С изучением роли балтийского субстрата перекликается вопрос о „характеристике балтийско-славянского языкового союза“ на определенной территории, охватывающей часть нынешней Литовской ССР, Белорусской ССР и Польши, о котором говорится в коллективной статье Т. М. Судник, С. М. Толстой и В. Н. Топорова². Интересно отметить, что авторы данной статьи выдвигают не только специфические задачи ареальной лингвистики, но, имея в виду многие, уже давно отмеченные сходства между этнологическими группами, заселяющими эту территорию, предлагают и некоторую предварительную программу ареально-типологических исследований, в ре-

¹ В. В. Серов. К происхождению белорусов. „Сов. этнография“, 1967, № 2.

П. Н. Третьяков. Восточные славяне и балтийский субстрат. „Сов. этнография“, 1967, № 4.

² К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза, — Советское славяноведение, 1967, № 2.

зультате которых может быть разрешено ряд диахронических и, возможно, генетических проблем, таких, как например: „1. балто-славянские языковые отношения в историческом плане; 2. история белорусского языка; 3. история балтийских языков, в том числе исчезнувших; 4. этногенез балтийских народов и белоруссов; 5. эволюция разных форм культурного развития (фольклор, народные художественные промыслы, обрядность, мифологические представления)“ (стр. 45).

Такой подход к вопросу о „характеристике балтийско-славянского языкового союза“ свидетельствует о той широте, без которой сегодня становится уже невозможным исследование балто-славянских отношений. Думается, что в целях плодотворности научных поисков в этой области следовало бы еще большей мере, чем до сих пор, использовать все лингвистические и др. материалы, которыми уже богата балтистика. Только в тесном сотрудничестве славистов с балтистами станет возможным достижение наиболее ценных результатов в деле решения многих спорных и еще не в полне ясных вопросов балто-славянской проблемы.

Мы ограничимся приведенными здесь примерами, представляющими часть тех новых аспектов, в свете которых сегодня делаются попытки рассматривать историко-генетические связи балтийских и славянских народов. Эти примеры, взятые из литературы самого последнего времени, свидетельствуют как о широте трактовки самой балто-славянской проблемы, так и о необходимости участия в ее изучении наряду с лингвистами также и археологов, этнографов, фольклористов и др. представителей смежных дисциплин гуманитарных наук. К сожалению, такая совместная, комплексная работа проводится сегодня еще далеко не всегда в нужных масштабах.

Для полноты картины научной деятельности в области изучения балто-славянской проблемы следует кратко упомянуть и о некоторых научно-организационных мероприятиях, проведенных в последние годы.

Международная Комиссия по исследованию балто-славянских отношений, которая в своей конкретной деятельности базируется главным образом на Институт литовского языка и литературы АН Литовской ССР, используя активную помощь Кафедры литовского языка Вильнюсского университета, проявляла постоянную заботу по активизации изучения балто-славянской проблемы, по координированию исследований в этой области, по обмену литературной и научной информацией. По инициативе или при содействии Комиссии было проведено ряд совещаний в г. Вильнюс (16.XII.1963; 26–28.XI.1964; 23.III.1965), на которых рассматривались итоги обсуждения балто-славянской проблемы на V-том Международном Съезде славистов, был прослушан доклад В. Горнунга (Москва) по вопросу этногенеза балтийских

и славянских народов, вызвавший острую дискуссию; обсуждались в свете балто-славянских языковых взаимоотношений проблемные вопросы истории балтийских языков; утверждалась тематика научно-исследовательских работ, намеченных подготовить к VI-му Международному съезду славистов литовскими языковедами³. На некоторых из этих совещаний принимали участие и латышские языковеды, а также балтологи Москвы и Киева. К этим совещаниям отчасти примыкает межреспубликанская конференция фольклористов, посвященная изучению общности устно-поэтического творчества литовского и латышского народов и его взаимосвязей с фольклором соседних (славянских и угро-финских) народов. Материалы данной конференции, состоящейся в г. Вильнюс (15—16.V.1967) при участии фольклористов из Риги, Таллина, Москвы, Ленинграда, будут изданы отдельным сборником. Работа перечисленных совещаний и конференций значительно активизировала и расширила изучение советскими филологами отдельных вопросов балто-славянской проблемы.

Научно-организационная работа в области изучения языка, письменности и культуры балтийских народов, равно как и балто-славянских отношений, сильно расширилось и в ГДР. Там при национальном Комитете славистов в начале 1964 года была создана Комиссия немецких балтистов, которая под руководством проф. В. Фалькенгана развернула весьма активную деятельность. В течении трех последних лет эта Комиссия провела 6 совещаний (в Берлине, Галле, Лейпциге), на которых было прочитано ряд интересных докладов и сообщений, среди них и по вопросам балто-славянской проблемы. С признательностью следует отметить, что в ГДР усилиями данной комиссии были отмечены юбилейные даты таких выдающихся представителей литературы и искусства литовского и латышского народов, как К. Донелайтис, Я. Райнис, М. К. Чюрлёнис.

Другой зарубежный очаг в области изучения как вообще балтистики, так и балто-славянских отношений, создан в демократической Польше, главным образом при Белостоцком Научном Обществе (*Białostockie Towarzystwo Naukowe*). Это Общество, уже и раньше публиковавшее в своем „Ежегоднике“ немало материалов по литуанистике и по балто-славистике, начиная с 1964 года стало издавать специальный ежегодник „*Acta Baltico-Slavica*“. В вышедших уже в свет 4 томах ежегодника опубликовано наряду с

³ Институт Литовского языка и литературы АН Литовской ССР издается к VI-му Международному съезду тематический сборник, в котором, кроме других материалов, публикуются две монографические работы: обзор новейших исследований по изучению балто-славянских языковых отношений (С. Каралюнас) и балто-славянские этимологии по животноводству (А. Сабаляускас).

обильными историческими и археологическими материалами также немало статей и по балтийской филологии. Так, например, 3-ий том этого издания целиком посвящен крупнейшему польскому литуанисту проф. Я. Отрембскому в связи с 50-летием его научной деятельности. Многие авторы этого тома в своих статьях затрагивают и отдельные вопросы балто-славянской проблемы.

Особенно следует подчеркнуть активную роль Белостоцкого Научного Общества в деле организации исследования ятвяжской проблемы. Результаты многолетних экспедиционных работ, проводимых как в области археологии, так и в области лингвистики, находят свое обобщение во многих статьях и отчетах, публикуемых как на страницах выше упомянутых изданий самого Общества, так и в других научных трудах. Уместно здесь упомянуть и ценные работы И. Налепы о названии ятвягов.

Изучением топонимики на исторической территории древних ятвягов уже продолжительное время занимается проф. К. О. Фальк (Швеция). В редактируемом им серийном издании „Språkliga bidrag“, выпускаемом Лундским университетом, за последние годы опубликовано немало ценных исследований и статей по разным вопросам балтистики, особенно латвистики. Упомянутое издание объединяет почти всех балтологов и славистов, работающих в Швеции.

Наконец нельзя не отметить и той положительной роли в деле развития балтийского языкознания, которое все заметнее стало играть „Baltistica“. При активном участии лингвистов соседних союзных республик и зарубежных стран, „Baltistica“ постепенно становится международным периодическим органом по изучению как балтийских языков, так и их взаимосвязей со славянскими и другими индоевропейскими языками.

В последние годы заметно расширились и непосредственные контакты иностранных филологов-балтистов и славистов — с научными учреждениями республик советской Прибалтики. Так, в Советской Литве в целях научной работы в области литуанистики в 1963—1967 г.г. побывали: проф. У. Кузминовский (Польша), проф. В. Фалькенган (ГДР), др. Р. Экерт (ГДР), проф. В. Холтум (Англия), др. Л. Юргутите-Бальдауф (ФРГ) и др. Литву посетил и переводчик классических произведений литовской поэзии на немецкий язык др. Х. Будензиг (ФРГ), переводы которого и особенно его-же статьи о переводимых авторах, публикуемые в им издаваемом журнале „Mickiewicz-Blätter“, способствовали раскрытию также некоторых новых фактов в области связей литовской литературы с литературами славянских и других европейских народов.

Изучение балто-славянских отношений как раньше, так и в последнее время ограничивалось, главным образом, исследованиями лингвистического характера. Такие области общения балтийских и славянских народов, как устно-поэтическое творчество или литературные взаимосвязи, до сих пор все еще изучаются в недостаточной мере. Не настало ли пора, согласно практике международных съездов славистов, на которых наряду с лингвистическими проблемами широко обсуждается также литературоведческие и фольклорные вопросы, приступить и балтологам к более активному изучению всей совокупности балто-славянских отношений? Основы коллективной программы такого изучения следовало бы положить уже на предстоящем Международном съезде славистов в Праге. Литературоведение и особенно фольклористика могли бы внести много ценного в изучение всей балто-славянской проблемы.